

ТУУЛА КАРЬЯЛАЙНЕН

ТУВЕ ЯНССОН:

РАБОТАЙ И ЛЮБИ

Туве Янссон

Издательство АСТ
Москва

ОТ АВТОРА

Ребенок шевельнулся в первый раз. Движение легкое и в то же время ощутимое даже сквозь одежду, словно кто-то оттуда, изнутри, пытался сказать: это я! Будущая мать Туве Янссон, Сигне Хаммарштен-Янссон, прогуливаясь по Парижу, вышла на рю Гэтэ — улицу Радости. Еще не появившееся на свет дитя впервые заявило о себе именно здесь. Был ли это знак, предвещающий девочке счастливую жизнь? Как бы то ни было, ей суждено принести миру безмерную радость.

Время было трудным. Угроза войны нависла над Европой, словно тяжелая и душная пелена перед неотвратимой бурей. Но несмотря на это, а может быть, именно поэтому искусство переживало очередной период расцвета. В начале 1900-х годов в парижских салонах и творческих мастерских зарождалось новое искусство: кубизм, сюрреализм и фовизм, и в город буквально хлынул поток писателей, композиторов и художников, чьи имена воспоет двадцатый век: Пабло Пикассо, Жорж Брак, Сальвадор Дали и многие, многие другие. В эту пеструю компанию талантов входили и молодожены Виктор Янссон из Финляндии и Сигне Хаммарштен из Швеции, а вместе с ними и еще не рожденная малышка Туве.

Туве Янссон появилась на свет в Хельсинки 9 августа 1914 года, когда Первая мировая война уже охватила Европу.

При написании биографии автору приходится погружаться во внутренний мир другого человека и проживать его жизнь заново, будто в параллельной реальности. Погружение в мир Туве Янссон оставило во мне богатые и сильные впечатления, несмотря на постоянное осознание того, что мое присутствие, возможно, нежелательно. О Янссон написано множество биографий, исследований и диссертаций, в которых ее творчество рассматривается с разных точек зрения. Сама она этому не противилась, хотя и не проявляла энтузиазма по поводу ажиотажа вокруг своей персоны. Янссон часто повторяла, что если и приходит время писать о писателе, то лишь после его смерти. Но совершенно очевидно, что Туве Янссон была готова к дальнейшему исследованию своего творчества, поскольку она сохранила большую часть своей обширной корреспонденции, а также записных книжек и заметок.

Я встретилась с Туве всего один раз — в 1995 году, когда Янссон уже исполнился восемьдесят один год. Я занималась организацией творческой выставки, рассказывающей о Саме Ванни, художнике русского происхождения, умершем за несколько лет до этого. Меня интересовало общее прошлое Янссон и Ванни, которые были в близких отношениях с тридцатых по сороковые годы. Ванни был также и моим дорогим и любимым другом. К тому времени я уже успела защитить диссертацию по его творчеству. Я боялась, что у Туве не найдется времени или желания встретиться со мной, однако она согласилась меня принять. Мы расположились в ее ателье в Улланлинна и беседовали об искусстве, о жизни и о Саме. Туве вспоминала об их молодости и о том, как Сам учил ее живописи. Она упомянула и о совместном путешествии в Италию, и о жене Ванни, Майе, рассказала еще многое о годах их дружбы. Я получила ответы на свои вопросы, и вдобавок Туве пообещала подготовить для каталога выставки рассказ о том, как Сам, тогда еще носящий имя Самуил Беспрозванный, обучал ее владеть кистью. Вдруг Туве предложила мне выпить виски. И мы выпили, а потом закурили по сигаретке, как тогда было принято, и поменялись ролями. Теперь уже Туве расспрашивала, а я рассказывала о Саме, о его жене и сы-

новьях, о которых она, очевидно, мало что знала. Моя работа стала причиной того, что многие значимые для Туве люди перекочевали из ее жизни в мою. Так, например, я была близко знакома с Та-пио Тапиоваарой, художником и бывшим возлюбленным Янссон. Встречалась я и с графиком Тууликки Пиетиля, и с театральным режиссером Вивикой Бандлер, которые были особенно значительными фигурами в жизни Туве Янссон.

Второй раз я оказалась в мастерской Туве, уже работая над этой книгой и занимаясь исследованиями архива Янссон. Больше всего меня интересовали ее письма и записные книжки. Я провела в мастерской много месяцев в полном одиночестве за чтением писем, которые нельзя было копировать или выносить из помещения. Мастерская была такой же, как и при жизни Туве. На мольберте по-прежнему стоял ее автопортрет, известный под названием «Боа из рыси» (1942), и с картины словно сама Туве внимательно и строго смотрела прямо на меня. На столе и на подоконниках россыпью валялись ракушки и лодочки из коры, а вдоль стен стояли огромные, от пола до потолка, шкафы, заставленные рядами книг. Тут же были сложены ее картины. Стены туалета пестрели газетными снимками с изображениями природных катализмов, тонущих судов и бушующих волн. Туве сама вырезала их из газет и журналов. Атмосфера дома была пронизана духом Туве.

За три десятилетия, которые здесь прожила Туве Янссон, накопилось множество писем. Самыми важными и интересными оказались те, что она отправляла Еве Кониковой в Америку: большая стопка листов папиросной бумаги, исписанных бисерным почерком. Некоторые строки были жестоко вымараны, буквально изуродованы цензурой военного времени. Ответов Евы в стопке не нашлось. Эти письма воскресили воспоминания о 1940-х годах, о войне и последующем периоде восстановления. Они дают яркое представление о том, что ощущала женщина, которая в то непростое время переживала расцвет юности, стремилась добиться успеха на профессиональном поприще и строить свою жизнь. И о том, что она чувствовала после того, как война закончилась. Помимо этих писем мне разрешили ознакомиться с записными книжками Туве и с ее прочей перепиской. Особенно важными для моей книги стали

письма, адресованные Атосу Виртанену и Вивике Бандлер. Я также заметила, что сюжеты многих взрослых рассказов Туве берут начало в ее письмах и заметках из записных книжек.

После того как у меня появилась возможность с головой погрузиться в мир Туве Янссон, я захотела рассмотреть ее творчество в контексте того общества и ближнего круга, в котором она вращалась. Именно это определило мой подход и угол зрения при написании книги. Годы войны крайне важны для понимания жизни и творчества Туве Янссон. Туве пришлось так тяжело в это время, что впоследствии она даже отказывалась вспоминать о войне. Но потерянными эти годы все же не были, хотя порой она так утверждала. Именно тогда произошли самые важные события, касающиеся ее карьеры и дальнейшей жизни. Во время войны и по причине войны на свет появились первые истории о муми-троллях, произошло ее становление как художника, а также были созданы уникальные по своей смелости карикатуры и рисунки.

Название моей книги, «Туве Янссон. Работай и люби», взято с экслибриса Янссон. Работа и любовь — именно в таком порядке эти две важнейшие составляющие существовали в ее жизни. Жизнь и искусство Туве Янссон тесно переплетались между собой. Свою жизнь она писала на холстах и в текстах, из нее же она черпала близкие сердцу сюжеты, которые находила в друзьях, островах, путешествиях и в своих переживаниях-впечатлениях. Оставленное ею наследие огромно и крайне разнообразно. На самом деле здесь уместно было бы говорить о «наследиях» во множественном числе, поскольку Туве удалось успешно реализовать себя сразу на нескольких поприщах. Туве была успешной писательницей, иллюстратором, графиком, художником по костюмам, драматургом, поэтессой, автором карикатур и комиксов и, разумеется, знаменитой на весь мир сказочницей.

Творчество Туве Янссон настолько масштабно, что любой, кто пытается заниматься его исследованием, попросту тонет в количестве материала. Я чувствовала себя тетушкой Гердой из новеллы Янссон «Умеющая слушать». Эта старушка решила составить карту родственных отношений и любовных связей своих близких и друзей. Детей и родителей соединяли на этой карте красные линии,

линии розового цвета обозначали любовную связь, а запретные отношения — двойное подчеркивание. Со временем задача становилась все менее выполнимой. Исчезала любовь, таяли отношения. Поправки в карту приходилось вносить все чаще, и никакого пергамента не хватило бы для того, чтобы обозначить все жизненные перипетии. Работа тетушки Герды так и не была завершена. Настоящее движется вперед, прошлое со временем меняется. Порой кажется, что прошлое особенно беззащитно. На искусство, как и на человеческую судьбу, можно бесконечно смотреть под разными углами, а в жизни нет сюжета, только разрозненные события, следующие параллельно или же одно за другим. Либо выделяющие, либо заслоняющие одно другое. Чем дальше наблюдаешь за ними, тем более объемная картина открывается взгляду. В особенности это относится к Туве, поскольку она любила делать несколько вещей сразу. Всю жизнь Туве Янссон занималась живописью, тридцать лет подряд радовала мир книгами о муми-троллях и одновременно с этим писала рассказы, романы и новеллы и иллюстрировала разные печатные издания.

Объемы и масштаб творчества Туве Янссон повлияли на порядок повествования в книге. Содержание разделено на главы, объединенные временной или тематической составляющей, и представляет собой компромисс этих двух составляющих. Хронологическое повествование только запутало бы читателя. С другой стороны, время, его важнейшие явления и царившие тогда идеалы представляют собой важную часть искусства и жизни Туве Янссон.

Библиография работ о Туве Янссон весьма обширна. Более двадцати лет назад искусствовед Эрик Крускопф написал подробное исследование о живописи Янссон и о ее карьере художника. Спустя десять лет профессор литературоведения из Швеции Буэль Вестин, много писавшая о муми-троллях, издала полную биографию Янссон. Финский писатель Юхани Толванен на протяжении долгих лет исследовал комиксы, созданные Янссон. О муми-троллях опубликовано бесчисленное количество книг, диссертаций и научных исследований, последние из которых увидели свет относительно недавно. Многих исследователей интересовала тема проявления гомосексуальности в книгах Янссон.

Я же задумала не только сосредоточиться на искусстве Янссон в самых разных его проявлениях, но и показать ее саму как часть ее времени, его ценностей и культурной истории. Огромное значение здесь имеет окружение Янссон. Туве прожила длинную и захватывающую жизнь. Она не боялась подвергать сомнению моральные ценности и догмы в условиях общества, в котором бал правила предрассудки, касающиеся в первую очередь сексуальности и поведенческих норм. В ней жил революционный дух, но вместе с тем она не стремилась быть провокатором. Она, безусловно, повлияла на ценности и убеждения современников, не неся при этом знамя новаторства, но спокойно живя в согласии с собственными предпочтениями и не торгуя принципами. Положение женщин, независимость, творчество и их признание наравне с мужчинами — вот что было важно для Янссон. Сама она никогда не соглашалась на роль среднестатистической «подруги мужчины» ни в профессиональном отношении, ни в личной жизни. Еще маленькой девочкой она писала: «Лучшее, что может быть, — это свобода». Именно свобода оставалась для Туве Янссон самым главным принципом на протяжении всей жизни.

Per il mio carissima Trinca. Автопортрет, 1939, масло

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СКУЛЬПТУРЫ ОТЦА, РИСУНКИ МАТЕРИ

ОТЕЦ, СЛОМЛЕННЫЙ ВОЙНОЙ

Первым и главным творческим кумиром для Туве стал ее отец. Скульптор Виктор Янссон считал, что искусство — это нечто грандиозное и очень важное, и эту его мысль Туве усвоила очень рано. Отношения между отцом и дочерью были противоречивыми, что называется, на разрыв аорты. Там было все: от огромной любви до глубокой ненависти. Виктор Янссон надеялся, что дочь, плоть от плоти своих родителей, пойдет по их стопам и вольется в артистическую среду. Туве воплотила в жизнь это желание своего отца, но им одним не ограничилась. Она занималась не только живописью, но и многим другим, что было непонятно или откровенно неприятно ее отцу. Тем не менее, Виктор Янссон гордился успехами, которых Туве добилась как живописец.

Виктор Янссон (1886—1958) родился в семье торговца галантереей, выходца из финских шведов. Отец умер, когда мальчик был еще совсем мал, и вдова продолжила дело мужа. Маленькому Виктору частенько приходилось вместе с братом помогать ей за прилавком. Торговля шла с переменным успехом, и семье приходилось иногда потуже затягивать пояса, однако средств все же хватило на то, чтобы отправить юного Виктора в Париж учиться ваянию.

Карьера Виктора Янссона началась многообещающе, однако значимой фигурой среди своих современников он так и не стал. Этот факт, безусловно, ударил по самолюбию амбициозного, рвущегося к славе молодого человека. В то время развитие финской скульптуры определялось всеобщим преклонением перед Вяйно Аалтоненом, а все прочие оставались в его тени. Считалось, что один признанный гений

в каждый конкретный период времени, — этого более чем достаточно для маленькой страны.

В те времена являться одновременно главой семьи и художником было непросто. Согласно существовавшим в то время ценностям, мужчина должен был зарабатывать достаточно, чтобы содержать жену и детей. Наверняка гордость Виктора Янссона была уязвлена тем, что семья не могла обходиться без заработка жены, не говоря уже о том, что время от времени Янссонам приходилось прибегать к помощи состоятельных шведских родственников Сигне Хаммарштен.

Финансовое положение Янссонов было шатким, как это часто случается в семьях творческих людей. Доход скульптора зависел от множества составляющих, таких как удача, случай и переменчивые ценности мира искусства. Семейство Янссонов жило скромно, если не сказать — бедно. Самым важным для них было творчество, но, увы, платили за него немного. Вивика Бандлер позже вспоминала отношение уже взрослой Туве к деньгам. По ее словам, в Туве еще в детстве сформировалось чувство жалости ко всем, кто не принадлежал к творческой среде. Подобное отношение наверняка помогало легче воспринимать невзгоды, связанные с постоянной нехваткой денег.

После Первой мировой войны доходы Виктора Янссона, как и многих других скульпторов, обеспечивались созданием монументов, памятников усопшим и скульптур в честь героев финского белого движения. Скульптор Фаффан, а именно под этим именем Виктора Янссона знали его друзья и близкие, изваял четыре монумента, посвященные Гражданской войне; два самых интересных стоят в Тампере и Лахти. Отлитые в бронзе обнаженные мужские фигуры напоминают древнегреческих атлетов в расцвете молодости и красоты. Воин на Монументе свободы в Тампере вздымает меч к небесам, словно нападая на врага. Его фигура вознесена на гранитный постамент и выглядит парящей над земными заботами и суетой. Героическая по духу скульптура является фаллической по форме и композиции. Бронзовый воин объединяет в себе красоту, агрессию и вызов — концепции, которые являлись на тот момент важными с точки зрения идеологии и поэтому оказывались в центре внимания искусства.

Виктор Янссон занимался созданием памятников скорее вынужденно, из-за сложных денежных обстоятельств, нежели по ис-

креннему желанию. Большинство скульптур, вышедших из-под его рук, — это чувственные женские фигуры и нежные изображения детей. Как писала Туве в книге «Дочь скульптора», отец не любил женщин. Женщины, по его мнению, были чересчур громкоголосыми, являлись в кинотеатры в слишком больших шляпах, отличались дурными манерами и вдобавок вряд ли стали бы подчиняться командам в случае войны. Только в облике статуй они становились настоящими. Единственные женщины из плоти и крови, с которыми мирился Виктор Янссон, были его жена и дочь.

Близкие люди часто становились как моделями, так и музами для творцов. Жена Виктора — Сигне, или Хам, как звали ее родные, позировала мужу, и маленькая Туве тоже. Именно ее черты запечатлел Виктор Янссон в своей работе «Голова девочки» (1920). Нежные черты и спокойное выражение высеченного из мрамора лица словно излучают мягкий свет. К работам Янссона относятся также несколько фонтанов, и как минимум на одном из них, расположенным в парке Эспланада в самом сердце Хельсинки, девочка Туве изображена в виде веселой русалочки. Дочь успела превратиться из малютки в молодую девушку, когда отец изобразил ее в своей новой скульптуре «Конволвулус». *Convolvulus* — это латинское название выюнка, который по-фински имеет второе название, «нить жизни». Девушка, отлитая в бронзе, и правда напоминает своей гибкостью и эротизмом стремящийся ввысь выюнок. Скульптура была установлена в центральном парке Кайсаниеми, где и находится до сих пор. В 1937 году Туве рассказывала о своих впечатлениях от позирования: «Я принимала позу выюнка, которую показал мне отец. Шаг вперед, руки чуть подняты. Небольшой медленный шажок, пальцы ног поджаты, движение рук чуть неуверенное. Все вместе, по замыслу отца, должно было выражать пробуждение, юность».

Ссоры в отношениях отца и дочери были нередкими, но, несмотря на это, связь между Виктором и Туве никогда не прерывалась, хотя и омрачалась порой откровенной злостью друг на друга. Как у Туве, так и у ее отца имелись устойчивые политические и общественные взгляды, причем настолько различные, что часто им было абсолютно невозможно принять и понять ценности друг друга. Мать

Сигне рассказывала детям, что отец был сломленвойной и что его душа навеки отмечена неизлечимыми шрамами. Когда-то беззаботный весельчак, после войны Фаффан ожесточился, стал суровым и нетерпимым. Он настолько изменился, что даже улыбка давалась ему с трудом, как и любые другие выражения чувств. Он отдаился от семьи, центром которой стала мать и сплотившиеся вокруг нее дети. И все же Туве безмерно восхищалась отцом и в творчестве полностью зависела от его суждений.

Фаффан был типичным патриотом своего времени. Как многие герои войны, он не сумел полностью вернуться к нормальной жизни и предпочитал вновь и вновь переживать и переосмысливать военное прошлое в кругу друзей, таких же ветеранов, как и он. Тяжелые воспоминания топились в безудержном веселье. Компании собирались в ресторанах, мужчины оставляли жен дома, чтобы те не мешали, и проводили ночи напролет за выпивкой и разговорами о высоких материалах. Вино лилось рекой, хотя достать алкоголь во время повсеместно действовавшего жесткого сухого закона было совсем не просто.

Лучшим другом Виктора Янссона был его старый студенческий товарищ Алвар Кавен, тоже герой Гражданской войны. В юности они вместе снимали мастерскую в Париже, а позже и в Хельсинки. Мужчины сумели сохранить дружбу на протяжении всей жизни, проводя вместе и будни, и праздники. Жены художников тоже подружились; две семьи любили устраивать совместные вечеринки. Спиртные напитки во время сухого закона они производили сами, подпольно, в полном согласии с духом свободного творчества. Живописец Маркус Коллин также входил в круг друзей Фаффана и Кавена. Оба семейства, Янссонов и Коллинов, начиная с 1933 года жили вместе в артистической коммуне Лаллукка, расположенной в Хельсинки, в районе Тёёлё. Живя в одном доме, художники и их близкие общались практически постоянно и с удовольствием.

Во время сухого закона в Хельсинки, как грибы после дождя, множились подпольные увеселительные заведения. С их посещением были связаны определенные риски: полиция не дремала. Поэтому вечеринки частенько устраивали в домашних условиях. Семейство Янссонов нередко приглашало гостей наочные по-

сиделки, которые затягивались до следующего утра. В гостях у Янссонов собирались самые известные и обласканные успехом творческие люди того времени. Еще ребенком Туве тайком наблюдала за весельем взрослых, за их «пирушками». Будучи совсем юной, она получила первые впечатления о мире искусства и о входящих в него людях, но одновременно ей пришлось уз-нать, что такое война и мужская агрессия. Именно эти впечатления лягут впоследствии в основу книги «Дочь скульптора», в которой есть и такие строки: «Все мужчины пи-рут, и они между собой товари-щи, которые никогда друг друга не предают. Товарищ может говорить тебе ужасные вещи, но назавтра все будет забыто. Товарищ не про-щает, он только забывает, а женщина — она все прощает, но не за-бывает никогда. Вот так-то! Поэтому женщинам пировать нельзя. Очень неприятно, если тебя прощают»¹.

В своей книге Туве возвращается к воспоминаниям детства: мать, которая перед Рождеством аккуратно вытирала пыль со статуэток в мастерской отца. Никому другому отец не разрешал этого делать. Од-нако в доме находились вещи более священные, нежели статуэтки: гранаты времен Гражданской войны. Они были наследием войны, настоящим фетишем Виктора Янссона. Никто не имел права выти-рать с них пыль, ни за что и никогда. Военное прошлое, всплывавшее в разговорах во время пирушек, и мужская бесшабашность стали сюжетом рассказа Туве Янссон, в котором дочь предается своим детским воспоминаниям об этих вечерах. «Я люблю папины пирушки. Они могут тянуться много ночей подряд, и мне нравится просы-паться и снова засыпать, и чувствовать, как убаюкивают меня дым и музыка... После музыки начинаются воспоминания о войне. Тогда

Автопортрет в 14 лет, уголь

я еще немного жду под одеялом, но всегда поднимаюсь снова, когда они нападают на плетеное кресло. Папа снимает свой штык, висящий над мешками с гипсом в мастерской, все вскакивают и орут, и тогда папа нападает на плетеное кресло. Днем оно прикрыто тканым ковром, так что даже не увидишь, какое оно»².

Виктор Янссон, подобно многим другим прошедшим через Гражданскую войну белофиннам, считал левые взгляды и в особенности коммунизм угрозой для отечества. Прогерманские настроения цвели в Финляндии пышным цветом, в особенности во время советско-финской войны. Янссон безоглядно верил в Германию и считал немцев освободителями и друзьями. К евреям он относился враждебно. Антисемитизм отца глубоко ранил дочь. В этом отношении она была непримирима и бескомпромиссна, «огонь и пламя», как она сама это описывала. Многие из ее ближайшего круга были евреями, например, Сам Ванни (урожденный Самуил Беспрозванный) и Ева Коникова. Виктору Янссону нелегко было смириться с тем, что его дочь в своих карикатурах, опубликованных в журнале «Гарм», резко критиковала действия Германии и Гитлера. В письмах Туве нередко жаловалась на постыдную нетерпимость отца и на его политические взгляды, от которых у дочери, по ее словам, волосы вставали дыбом.

Зависимость Туве от мнения семьи и ее страх перед неодобрением отца, а также нелюбовь Виктора Янссона к коммунистам хорошо описаны в одной из ее записных книжек. Сокурсник Туве Тапио Тапиоваара получил приглашение в посольство СССР на вечер, посвященный А. С. Пушкину. Тапио сумел заманить туда Туве в качестве своей дамы. Праздник удался на славу: по посольству флантировали женщины в вечерних платьях и множество важных гостей. Был среди приглашенных и советский министр. Среди гостей также был журналист издаваемой на шведском языке газеты «Свенска Прессен», знакомый с отцом Туве. Та пришла в ужас от мысли, что журналист проболтается отцу о том, что она посещает коммунистические сходки. Она униженно просила журналиста молчать об их встрече, и, по всей видимости, тот сдержал обещание.

Виктору Янссону было тяжело смириться с друзьями и привязанностями дочери. Все эти люди частенько оказывались либо евреями, либо коммунистами, или, по крайней мере, приверженцами край-

не левых взглядов. Тапио Тапиоваара, с которым Туве встречалась в годы Второй мировой войны, состоял в левацком объединении деятелей искусства «Киила» и придерживался коммунистических взглядов. Еще сильнее выделялся Атос Виртанен, который был партнёром Туве на протяжении долгих лет.

Открытая и свободная связь Туве с Атосом Виртаненом, человеком известным и находящимся под пристальным вниманием общественности, вызвала волнение в среде людей, чьи моральные ценности шли вразрез с моралью Туве. Отцу свободная связь его дочери тоже по вкусу не пришлась, а левые взгляды избранника и его заметное положение в обществе только ухудшали ситуацию. В то время свободные связи были не приняты, и в кругу среднего класса, к которому принадлежали Янссонсы, подобные отношения сурьово осуждались. Сексуальная жизнь была ограничена множеством условностей, говорить о ней было не принято, а от женщин ожидалось, что в брак они будут вступать девственницами. В обществе, где царят нормы сексуального воздержания, незамужней паре, живущей в свободном союзе, было крайне тяжело сохранить уважение и доверие окружающих. В то время связи сексуального характера никак не были личным делом влюбленных. Отец Туве просто не мог переступить через те границы нормы, в пределах которых он был воспитан, и отринуть близкие ему ценности. И все же от дома друзьям Туве мужского пола не отказывали. Да, они не пользовались уважением отца семейства, тем не менее, он никогда в открытую не нападал на них. Хотя атмосфера порой накалялась не на шутку.

ДОМАШНЯЯ ДЕВОЧКА

Семья для Туве была центром вселенной. Лишь когда ей исполнилось двадцать семь лет, она наконец начала жить отдельно. Нити, связывающие ее с семьей, оставались крепкими на протяжении всей жизни. Янссонсы жили в столице, сначала в районе Катаянокка, затем в Тёёлё. Детство и юность Туве прошли именно в Катаянокка, на улице Лутсикату, 4. Стиль ар-нуво, главенствующий в архитектуре района, наверняка в значительной мере повлиял на воображение молодой

художницы. Ребенком она наблюдала из овального окна квартиры за находящимися напротив домами с крышами, украшенными башенками. Остроконечные шпили и сама форма домов в Катаянокка наводят на мысль о Муми-доме и, в частности, о купальне муми-троллей. Эту же остроконечную форму повторяет фасон шляпы Снусмумрика.

Искусство творилось непосредственно в доме Янссонов, и Туве с детства привыкла существовать посреди мешков с гипсом, незаконченных, выставленных на просушку глиняных фигур и гипсовых статуй, ожидающих отлития в бронзе посреди отцовской мастерской. Привыкла она и к облику матери, примостившейся на уголке стола и увлеченно рисующей наброски к почтовым маркам, иллюстрирующей журналы и обложки печатных изданий. В доме постоянно рождалось что-то новое, творческий процесс был неотделим от жизни: искусство и быт переплетались воедино.

В летний сезон, начиная с ранней весны и заканчивая поздней осенью, семейство Янссонов переселялось на острова. Архипелаг Пеллинки, расположенный неподалеку от городка Порвоо, всего в пятидесяти километрах от Хельсинки, был важным для семьи местом. На острова архипелага ходили паромы, а часть пути непосредственно до острова, где семья Янссонов проводила летние месяцы, нужно было преодолеть на моторной лодке. В обычаях среднего класса в то время было уезжать на лето из города. Так поступали и Янссоны. Хам, занятая на постоянной работе, могла навещать детей только на выходных и во время отпуска.

В отсутствие хозяйки семейством занималась экономка. Янссоны кочевали с острова на остров, но всегда оставались в пределах архипелага Пеллинки. В первый раз они сняли коттедж у семейства Густафссонов, чей сын Альберт, или Аббе, стал товарищем Туве. Эта дружба сохранилась на всю жизнь. Позже Янссоны снимали жилье у семейства Бредшяр, на их участке Туве и ее брат Ларс выстроили летний шалаш. В 1960-х годах Туве открыла для себя остров Кловхару, который впоследствии стал ее самым любимым местом в архипелаге. Любовь к морю и островам объединяла всю семью. Время, проведенное в Пеллинки, считалось лучшим временем в году, и именно там, по словам брата Туве Пера Улофа, семейство чувствовало себя по-настоящему дома.

Отец Фаффан и мать Хам дома отливают гипс

В 1933 году Янссоны переехали из квартиры в Катаянокка в только что отстроенную артистическую коммуну Лаллукка, расположенную в престижном районе Тёёлё. Здесь в одном большом доме жили люди, представляющие самые разные виды искусства, и общение с соседями было тесным и оживленным. Позже Туве в одиночку или вместе с сокурсниками снимала небольшие помещения для занятий живописью, но домом ее на протяжении многих лет была именно Лаллукка. Она была прописана в Лаллукка, там ее всегда ждали ее комната и кровать и хранились ее вещи. В Лаллукка семейству Янссонов было

тесно, особенно после того, как Туве выросла и начала писать, ведь трем художникам приходилось делить не только кров, но и пространство для творчества. Молодому художнику требовалось свое рабочее место, но содержать мастерскую было накладно, а зачастую просто невозможно. Не одна карьера закатилась, так и не начавшись, именно из-за нехватки средств на отдельное помещение для работы.

Свою первую мастерскую Туве обрела в 1936 году, сняв небольшое помещение неподалеку от церкви Кристускиркко. На следующий год она переехала в мастерскую на улице Вянрикки Стоол, а через три года ей вновь пришлось переезжать, на этот раз на улицу Урхейлукату, 18. Помещение не отвечало ее запросам, и Туве долго пыталась получить собственную мастерскую в коммуне Лаллукка. Попытки не увенчались успехом, поскольку домоуправление не замедлило напомнить ей о просроченных счетах за аренду, которые оставил без внимания Фаффан.

Туве пришлось остаться в Тёёлё, неподалеку от Лаллукки. В годы Зимней войны она снимала также небольшое помещение на улице Тёёлёнкату, однако условия там были суровыми: хозяйка помещения следила не только за моралью, но и за работой молодой художницы и не одобряла присутствие в мастерской обнаженных моделей. К счастью, в апреле 1940 года Туве удалось получить назад свою комнату на улице Вянрикки Стоол.

Различные помещения, в том числе квартиры и комнаты в гостиницах, служили и сюжетами для картин Туве. Она любила рисовать комнаты, где ночевала в путешествиях, и мастерские, в которых ей доводилось работать. Картина, на которой Туве запечатлела интерьер своей комнаты в 1943 году, написана в мастерской на улице Вянрикки Стоол. Полотно прекрасно передает эмоции, которые юная Туве переживала, оставив семейный очаг и переехав в собственный дом. В атмосфере помещения чувствуется экзистенциальный страх одиночества и одновременно озадаченность чисто бытовыми проблемами, начиная с приготовления еды. В письмах к своей подруге Еве Кониковой юная художница оптимистично декларировала веру в то, что быт наладится сам собой. У Янссонов жила экономка Импи, которая заботилась о семье, и, судя по всему, Туве вряд ли приходилось в юности хлопотать по хозяйству.